

Гибридная агрессия как тенденция социального насилия

В. А. Ксенофонов,
кандидат философских наук, доцент,
Военная академия Республики Беларусь

Несмотря на стремление людей жить в мире и безопасности, бытие современного человечества проходит в чередѣ войн и конфликтов различной интенсивности. В текущем веке в планетарном масштабе не было ни одного дня без военного насилия. С учетом взаимозависимости человечества проведение тех или иных военно-силовых акций отражается не только на объекте агрессии, но и на целом ряде мирных стран и регионов. Заметим, что «война является основным инструментом переустройства мира» [1, с. 7].

Война влияет на все сферы жизни общества: экономическую, политическую, духовную, социальную. В условиях информационного общества мы начинаем привыкать к войне, видя ежедневно репортажи тех или иных военных действий. В результате у нас снижается порог нравственной «чувствительности» к человеческим жертвам и трагедиям. Человечество морально деградирует, воспринимая открытые и скрытые формы военного насилия как некую норму «коммуникации». Но это реалии, от которых практически не уйти, не скрыться даже в относительно благополучных странах. К сожалению, несмотря на принимаемые дипломатами и политиками меры, мы объективно не в состоянии исключить войну из современного и перспективного бытия человечества.

Понимая последствия войны и других форм человеческой агрессивности, сегодня особенно важно готовиться к различным силовым акциям со стороны

возможного агрессора. Учиться важно всем: не только военным профессионалам, специальным структурам и службам, но и каждой отдельной личности, обществу в целом, а в итоге – всему государственному организму.

Как отмечал швейцарский юрист Эммер Де Ваттель еще в 1758 г., «одной из целей политического общества является защита объединенными силами от всякого оскорбления или насилия извне. Если общество не в состоянии дать отпор агрессору, то значит, оно несовершенно, не достигает своей главной цели и не сможет долго просуществовать» [2, с. 152]. Он также подчеркивал, что «сила государства состоит не столько в числе граждан, сколько в их воинской доблести» [2, с. 154].

Сохранение государства и его безопасность в условиях непрекращающегося военного насилия выступают своеобразным императивом поведения каждого человека, стремящегося к мирной и счастливой жизни. Здесь уместно вспомнить фрагмент из книги «Общее учение о государстве» профессора Г. Еллинека, в которой он отмечает: «Государство генетически предшествует индивиду, так как понятие части может быть выведено только из целого, и вне государства живет только божество, либо животное (выделено мной. – В. К.)» [3, с. 154].

Безусловно, современная война вышла за рамки известного (традиционного, или классического) понимания, она была и остается, по меткому выражению К. Клаузевица, «хамелеоном». Данное свойство не только требует знания военного насилия, но и постоянного прогнозирования и изучения тенденций его развития в интересах обеспечения военной безопасности как важнейшей компоненты национальной безопасности. Современная война имеет тотальный характер и касается всех и каждого. Противоречие между необходимостью обеспечения военной безопасности и пониманием широкой общественностью тенденций современного насилия и является мотивом подготовки статьи.

Анализ публикаций научного и методического характера показывает, что сегодня активно употребляются термины «гибридная война», «гибридные угрозы», «серая зона», «ментальная война» и ряд производных от них понятий. Издаются различные статьи и книги [4–10]. Но для широкой аудитории эта проблема остается непонятной, соответственно, не наступает адекватной реакции в различных слоях общества. Очевидно, что невозможно защититься от любого вида насильственных или «недружественных» действий, не понимая их природы и причинно-следственных связей.

Личность, общество и государство могут и должны обладать необходимым потенциалом для силовой защиты своей безопасности. Как отмечал голландский мыслитель Гуго Гроций, «предусмотрительность

и заботы о самих себе не противоречат природе общества, пока не нарушается этим чужое право, и оттого сила, не нарушающая чужого права, – законна» [11, с. 85].

Характерной чертой современной мировой политики остается ее напряженность, нестабильность и неопределенность. Источником такой напряженности является деятельность, прежде всего США и НАТО, по продвижению собственных интересов с опорой на военную силу. Рост неопределенности подрывает основы стратегической стабильности как в глобальном, так и в региональном масштабе [12].

Как отмечает ученый А. А. Бартош, «с целью удержать в своих руках управляемость процессами обеспечения стратегической стабильности в США разработана концепция нового вида межгосударственных вооруженных конфликтов – гибридная война» [5, с. 5].

В белорусской военной, военно-философской науке к этому термину относятся критически, но это не означает, что данный феномен отвергается. Критика учеными «нового» термина связана в первую очередь с выделением в классической войне двух сущностных признаков – политики и вооруженной борьбы. Как отмечает профессор Н. Е. Бузин, нет необходимости все «войноподобные» явления именовать войной, происходит подмена понятий [4]. И, тем не менее, с реалиями противоборства и технологиями ведения насилия и агрессии со стороны наших оппонентов мы обязаны считаться, выстраивая рациональную защиту системе национальной безопасности.

Гибридная война (англ. *hybrid warfare*) – термин, появившийся в конце прошлого века в США для понимания военной стратегии, объединяющей в себе как единое целое обычную войну и информационную войну. До сих пор в мире нет общепринятого определения данного типа насилия. Само слово «гибридный» означает использование сразу нескольких видов давления (информационно-идеологического, политического, финансово-экономического, военного и т. д.) на противника, среди которых действия вооруженных сил отводится важная роль, но всего лишь часть комплексной (гибридной) агрессии.

По мнению член-корреспондента Академии военных наук А. А. Бартоша, гибридная война «представляет собой использование по единому замыслу и плану силовых и несиловых способов межгосударственного противоборства в интегрированной кампании, направленной на достижение внезапности, захват инициативы и получение психологических преимуществ, проведение масштабных и стремительных подрывных операций в административно-политической, военной, финансово-экономической, культурно-мировоззренческой сферах, информационные и кибероперации, военное использование космоса,

прикрытие и сокрытие других разведывательно-диверсионных действий» [5, с. 9].

Профессор И. Н. Панарин определяет гибридную войну как «совокупность методов военно-силового, политико-дипломатического, финансово-экономического, информационно-психологического и информационно-технического давления, а также технологий цветных революций, терроризма и экстремизма, мероприятий спецслужб, формирований сил специального назначения, сил специальных операций и структур публичной дипломатии, осуществляемых по единому плану органами управления государства, военно-политического блока или ТНК» [8, с. 21]. По его мнению, «идеология гибридной войны стала разрабатываться в Британской империи, которая, используя ее инструментарий, стала самой большой империей мира, а затем через организацию двух мировых войн смогла разрушить все остальные империи» [8, с. 3].

Доктор военных наук, профессор Н. Е. Бузин подчеркивает, что гибридная война – «это смесь войны и мира. По своей сути это ведение военных действий без объявления войны, без введения особых правовых режимов» [4, с. 36].

Диалектический подход позволяет уяснить, что история противоборства и ее отражение в военно-теоретической и философской мысли содержат немало примеров «гибридизации» насилия. Напомним, что о возможности победы над противником без вооруженного противоборства отмечал еще древнекитайский мыслитель Сунь-Цзы в своем трактате «О военном искусстве». Заслуживают особого внимания его взгляды на формы борьбы. Сунь-Цзы предпочитал достигать намеченных целей путем искусной политики. Он считал, что «тот, кто умеет вести войну, покоряет чужую армию, не сражаясь, берет чужие крепости, не осаждая; сокрушает чужое государство, не держа свое войско долго». «Самая лучшая война, – писал Сунь-Цзы, – разбить замыслы противника; на следующем месте – разбить его союзы; на следующем месте – разбить его войско». Он резюмирует: «Сто раз сразиться и сто раз победить – это не лучшее из лучшего; лучшее из лучшего – покорить чужую армию, не сражаясь» [13, с. 53]. Применение военной силы Сунь-Цзы считал крайним и весьма опасным средством борьбы. Полагаем, что эти мысли являются началом идеологии «гибридного» воздействия на противника в современной понимании «новой» войны.

Несмотря на разные акценты в приведенных определениях термина «гибридная война», ясно одно, что это системное воздействие на государство-жертву в целях его подчинения интересам агрессора. Другими словами, данная стратегия насилия понимается как использование военных и невоенных инструментов в интегрированной кампании для достижения военно-политических целей.

Цели гибридной войны – полная или частичная дезинтеграция государства, качественное изменение его внутри- или внешнеполитического курса, замена государственного руководства на лояльные режимы, установление над страной внешнего идеологического и финансово-экономического контроля, ее хаотизация и подчинение диктату со стороны других государств или ТНК [8, с. 21].

В монографии профессора С. М. Иншакова к числу наиболее распространенных форм гибридной войны отнесены:

- 1) презэмптивная война;
- 2) информационная война;
- 3) сетевая война;
- 4) кибервойна;
- 5) экономическая война;
- 6) коррупционная война;
- 7) террористическая война;
- 8) спортивная война;
- 9) темная война [7, с. 118].

Не раскрывая каждую форму агрессии, обратим внимание только на презэмптивную и темную войны, так как они реже всего встречаются в лексиконе политиков. Разработанная в США концепция презэмптивной войны практически совпадает с подходами гибридной войны. В ее основе стратеги США отмечают три принципа:

- смена режима;
- строительство новой нации;
- восстановление страны [7, с. 119].

Арсенал презэмптивной войны содержит следующие виды агрессии:

- разжигание межнациональных (межконфессиональных, межэтнических) конфликтов;
- корруммирование государственного аппарата и чиновничества всех уровней;
- формирование валютно-финансовых механизмов выкачивания из завоеванной страны национальных ресурсов;
- приватизация наиболее прибыльных и наиболее значимых в плане экономической и военной безопасности объектов промышленности западными инвесторами и аффилированными с ними гражданами страны;
- культурная и идеологическая экспансия;
- разрушение культурных кодов нации, традиций, национальных стереотипов;
- деструкция традиций, на которых основывается воспитание молодого поколения;
- демонтаж образовательной системы;
- разрушение здравоохранения, нанесение удара по здоровью нации (в том числе за счет культивирования пьянства, наркотизма, сексуальной доступности);
- инициирование негативных демографических процессов (депопуляция);
- детерминирование деградации национальной культуры, национальной науки, снижение интеллекту-

ального уровня нации. Эта доктрина – попытка де-юре закрепить новый стиль международных отношений: США задекларировали свое право нападать на любое государство, которое им чем-то не угодило [7, с. 120].

В свою очередь темная война, или война «втемную», характеризуется тем, что трудно определить субъекта, причиняющего вред стране, а также способ причинения вреда, который тщательно маскируется под личиной стихийных бедствий. Профессор С. М. Иншаков определяет темную войну как «необъявленную войну, в ходе которой стране причиняется ущерб неизвестным противником посредством использования неизвестных видов оружия». К темной войне им отнесены виды противоборства: тектоническая (литосферная), климатическая, генетическая и пси-война [7, с. 273]. Все вышеперечисленные формы гибридной агрессии влияют на формирование угроз национальной безопасности государства.

Как отмечает военный эксперт А. А. Бартош, в последние годы гибридные войны велись в Ираке, Афганистане, Сирии, Грузии, Армении, а теперь – в Украине, Беларуси, Молдове, государствах Средней Азии [5, с. 9]. Указанный автор определяет и категорию «гибридные угрозы» – «это объединение дипломатических, военных, экономических и информационно-коммуникационных методов воздействия, которые могут быть использованы государственным или негосударственным субъектом для достижения особых целей, не доходя при этом до формального объявления войны» [6, с. 80].

С учетом специфики гибридной войны важнейшей задачей государственного управления является организация противодействия гибридной агрессии за счет комплексного использования дипломатических, информационных, экономических, финансовых, правовых, образовательных и других ресурсов государства с опорой на военную силу. Это обусловлено тем, что современные конфликты охватывают все сферы управления общественной жизни людей: административно-политическую, социально-экономическую и культурно-мировоззренческую, что придает войне универсальный, многоплановый и многосферный характер.

В соответствии с подходами руководства ВС США современные военные конфликты могут быть сведены в три группы: межгосударственные, гибридные и с участием негосударственных вооруженных формирований.

В первом варианте задействуются крупные группировки регулярных сил с применением современных средств вооруженной борьбы для нанесения гарантированного поражения противнику на различных территориях. В гибридном конфликте осуществляется комбинированное применение ВС и иррегулярных формирований для создания обстановки неопределенности, захвата инициативы и лишения противника

маневрами силами и средствами. Могут использоваться как традиционные, так и асимметричные схемы. Конфликт с участием негосударственных вооруженных формирований характеризуется тем, что противники задействуют относительно небольшие группы для организации подрывной деятельности и манипулирования населением.

Следовательно, именно гибридная война представляет собой элемент стратегии, который присутствует на каждом из этапов развития межгосударственного противоборства и позволяет дозировать воздействие на противника (от мягких форм до прямого применения силы), а также снижать напряженность конфликта. Возможность эскалации и деэскалации предоставляет использующей стороне эффективный инструмент изнурения противника и стратегического неядерного сдерживания [5, с. 14].

Гибридная агрессия имеет определенную логику эскалации. Так, на начальных этапах ее элементами являются:

- экономические санкции и информационно-психологические операции;
- наращивание военно-силового давления;
- использование пятой колонны и неправительственных организаций для подрыва единства общества и формирования манипулируемой толпы в «цветной революции»;
- операции в киберсфере;
- подготовка и использование иррегулярных вооруженных формирований;
- скрытое проникновение групп ССО для осуществления диверсионных акций и ведения разведки;
- использование технических средств, включая разведывательные и ударные БЛА, космические системы [5, с. 16].

Перечисленные и возможные другие скрытые действия агрессивной деятельности направлены на подрыв национальной безопасности государства, требуют способности своевременной реакции государственных структур быстро и эффективно реагировать на эскалацию конфликта.

Гибридная война «построена на комбинации регулярного и иррегулярного компонентов и представляет собой нечто промежуточное между войной высокой интенсивности и конфликтом низкой интенсивности» [5, с. 18]. В связи с недостаточной разработанностью правовых аспектов данной агрессии возможности организаций обеспечения международной безопасности по урегулированию такого типа конфликтов весьма ограничены. Поэтому гибридная агрессия может иметь затяжной, изматывающий характер для социальных систем.

Тенденции развития современного противоборства таковы, что на смену межгосударственным войнам приходят конфликты низкой интенсивности, «гибридные» войны или войны «постмодерна», асимметрич-

ные и иррегулярные войны [5, с. 19]. В целом на смену классическим конфликтам приходит конфликт между культурами, а существенным моментом обоснования применения военной силы является утверждение агрессором несоответствия ценностных установок страны-жертвы цивилизационным ценностям доминирующей страны [5, с. 22].

В гибридной агрессии наряду с силовыми способами воздействия преимущественно применяются экономические, дипломатические, научно-технические, информационные, идеологические и психологические средства и методы навязывания противнику своей воли, ослабления его экономического и военного потенциала и укрепления собственных возможностей противника.

Мы уже отмечали, что в классической войне существенным признаком выступает политика и вооруженная борьба. Вместе с тем в современном противоборстве применяются стратегии, основанные как на военных, так и невоенных способах подчинения противника своей воле. Дело может и не дойти до прямого военного вторжения в страну, а система национальной безопасности может быть не только разбалансирована, но и основательно нарушена, а страна может погрузиться в хаос.

Как отмечает военный ученый А. А. Бартош, «стратегия современных конфликтов, построенная на сочетании широкого спектра самых различных форм и способов борьбы, вмещает в себя большое количество смыслов, причудливое сочетание рационального и иррационального подходов» [5, с. 25]. Попытка соединить разнородные определения в одном и привела к появлению понятия «гибридная война», используемого разными авторами, нередко вкладывающими в него собственные смыслы. Автор статьи полагает, что более удачным термином может быть «системная война».

Принципиально нового с научной точки зрения в понятии «гибридная война» нет, поскольку гибридность выступает свойством любой системы. А противоборствующие стороны, как правило, используют в конфликте весь имеющийся арсенал сил и средств для достижения военно-политических целей. Полагаем, что более корректным является использование терминов «гибридная агрессия» или «гибридное насилие». Но поскольку термин «гибридная война» уже закрепился в лексиконе политиков, журналистов и целого ряда ученых и аналитиков, при его использовании важно критически относиться к самой технологии насилия, которую довольно успешно используют западные стратеги в отношении государства-жертвы. Подчеркнем, что это связано с изменением не сущности войны, а характера войн, которые отличаются разноплановостью, а военные действия в случае конфликта высокотехнологичный противник будет вести не только в привычных средах на суше,

в море и воздухе, но и в новых сферах – космической и кибернетической.

Важной характеристикой современной войны является ее многомерность, предполагающая сочетание информационного, военного, финансового, экономического и дипломатического воздействия на противника в реальном времени.

Важная составляющая гибридной стратегии – целенаправленное воздействие на военную сферу национальной безопасности государства, чтобы втянуть страну в непомерные военные расходы путем провоцирования локальных конфликтов в приграничных районах и стратегически важных регионах, проведение вблизи границ учений с провокационными сценариями, развертывание дестабилизирующих систем оружия, использование возможностей пятой колонны и агентурных сетей. Временные рамки такой стратегии измора могут охватывать многие годы [5, с. 27].

Стоит напомнить, что стратегия гибридной агрессии целенаправленно используется против России коллективным Западом, она уже превратилась в повседневный фактор ее бытия. Истоки такого воздействия лежат в геополитических целях Запада по уничтожению России. Они изложены в целом ряде концепций и программ. Без сомнения, это непосредственно касается и нашей страны как основного стратегического партнера России, как государства, строящего Союзное государство (Беларусь и Россия), активного участника ОДКБ, а также как своеобразного плацдарма для выхода на российские рубежи. Как отмечает ученый А. А. Плащинский, «после распада СССР Беларусь избрала независимый путь развития, который не соответствует планам архитекторов нового мирового порядка. ...Поэтому Беларусь стала объектом мощного политического и экономического давления со стороны Запада» [1, с. 247]. Геополитические цели США и союзников после окончания «холодной войны» остались неизменными в отношении наших стран, корректируются стратегии и технологии контроля различных видов пространства.

В войнах будущего, несмотря на применение иных (невоенных) видов противоборства, роль и значение военной силы как важного инструмента политики государства не уменьшится. Военная сила придает вес и гарантии несилковым методам противоборства. Следовательно, ее совершенствование является важной составляющей государственной политики.

По нашему убеждению, в современном мире военная сфера национальной безопасности является основным гарантом сохранения не только социально-политической стабильности в стране, но и фактором сохранения государства и перспектив его развития. Это обусловлено тенденциями развития мировой политики и увеличением удельного веса военно-силового фактора при разрешении различных противоречий

глобального, регионального и межгосударственного масштаба. Причем силовое воздействие будет носить избирательный характер.

Гибридная война, как правило, включает и «цветную революцию». Несмотря на их различие, оба явления выступают в качестве технологии и инструмента политического воздействия на противника. «Цветные революции» не связаны с применением вооруженных сил, военного насилия как такового, но их с полным основанием можно отнести к категории военно-политического противоборства, поскольку их целью является нанесение поражения противнику [5, с. 30].

Сценарий развязанной в 2020 г. «цветной революции» в нашей стране как фазы гибридной агрессии детально проанализирован в пособии под редакцией профессора Н. Е. Бузина [14]. В этом издании «цветная революция» определяется как «государственный переворот, осуществленный с преимущественным использованием методов ненасильственной политической борьбы, силами “цветного” движения, как правило, в интересах и при непосредственном доминирующем участии в планировании, организации и финансировании со стороны иностранного государства, группы иностранных государств, общественных или коммерческих организаций» [14, с. 13].

Еще раз обратим внимание, что технологии гибридной войны и «цветных революций» разработаны в США и как эффективные инструменты преобразования политической картины мира неоднократно использовались против суверенных государств, отстаивающих свой путь развития. Кроме того, сочетание традиционных и гибридных видов конфликтов является существенным фактором для всех вооруженных конфликтов современности.

В контексте гибридной войны постоянно употребляется термин «серая зона». Согласимся с ученым А. А. Бартошем, что «“серая зона” является театром гибридной войны». Она представляет собой «политическое стратегическое пространство, в пределах которого международная система, балансируя на грани войны и мира, переформатируется под правила нового миропорядка. Одновременно “серая зона” имеет и пространственное измерение, определяемое географическими границами театра гибридной войны» [5, с. 43]. Операции в «серой зоне» позволяют конкурировать с государствами, находясь ниже порога обычной войны и ниже порога того, что может вызвать международную реакцию. Термин «серая зона» означает промежуточную среду между черным и белым, войной и миром. Исторически, по мнению А. А. Бартоша, одним из первых примеров создания «серой зоны» и ее дальнейшего использования стали действия Вашингтона на Балканах, когда была разрушена Югославия. Более свежим примером российский аналитик называет неудачную попытку добиться такой цели в Беларуси в 2020 г. [5, с. 43].

Разработкой вопросов нетрадиционной войны в «серой зоне» занимаются крупные исследовательские центры США и видные военные специалисты. В частности, генерал Дж. Л. Вотел, в прошлом главнокомандующий войсками специального назначения ВС США, отмечает: «“Серая зона” характеризуется интенсивным политическим, экономическим, информационным и военным соперничеством, более ожесточенным по своей природе, чем это принято в классической дипломатии, но не переступающим порога обычной войны» [5, с. 45].

Специальные военные кампании в «серой зоне» характеризуются следующими основными особенностями:

- их цель – стабилизация или дестабилизация режима;
- основные усилия прилагают местные партнеры;
- силы США имеют в стране небольшое присутствие (или его нет);
- как правило, операции продолжительны и могут потребовать обширной подготовительной работы, которую лучше измерять месяцами (или годами), чем днями;
- операции требуют интенсивного межведомственного взаимодействия, в ходе которого соответствующие подразделения Министерства обороны могут подчиняться Государственному департаменту или Центральному разведывательному управлению;
- в операциях используются методы политической войны для мобилизации, нейтрализации или интеграции отдельных лиц или групп от тактического до стратегического уровня.

Политическая война ведется в пространстве между дипломатией и открытой войной, когда традиционные военные варианты не подходят или считаются нецелесообразными по ряду причин. Политическая война – это вмешательство, ориентированное на население с целью влиять, убеждать и даже кооптировать [5, с. 46]. НАТО планирует дальнейшее развитие концепта «политическая война» в теорию психосоциальных факторов нетрадиционных методов ведения войны, используемых в операциях по распространению влияния [5, с. 47].

Опыт военных действий альянса показывает, что использование военной силы (Ирак, Афганистан, Ливия) стоит дорого и может привести к непредсказуемым результатам, поэтому ставится задача дальнейшей разработки нетрадиционного насилия (войны), способного в ряде случаев прийти на смену военным операциям НАТО.

В результате последовательного и совокупного применения комплекса действий в «серой зоне» их результирующая составляющая в каждый данный момент должна быть ниже порога традиционного конфликта. Конфликт в «серой зоне» преследует политические цели, достигаемые посредством проведения

интегрированных разнородных операций, в которых используются в основном, но не обязательно, невоенные инструменты. При этом каждая отдельная операция не ставит масштабных целей, а успех всей кампании в целом достигается за счет синергетического воздействия относительно мелких целенаправленных операций [5, с. 48].

Стратегия гибридной агрессии нацелена на изнурение страны-жертвы и предполагает комплексный спектр действий, включающих использование воинских и иррегулярных формирований одновременно с проведением в рамках единого замысла и плана операций по хаотизации экономики, военной сферы национальной безопасности, культурно-мировоззренческой сферы, а также применение кибератак. Государство-агрессор тайно, без формального объявления войны атакует структуры государственного управления, экономику, информационную и культурно-мировоззренческую сферы, силы безопасности и правопорядка, а также регулярную армию страны-мишени. Затем на определенном этапе могут разворачиваться военные действия с участием местных мятежников, наемников, частных военных компаний, поддерживаемых кадрами, оружием из-за рубежа и некоторыми внутренними структурами: олигархами, преступными, националистическими и псевдорелигиозными организациями.

Несмотря на то, что в Военной доктрине Республики Беларусь не используется термин «гибридная война», содержание документа свидетельствует о том, что гибридная агрессия концептуально учтена не только в теории, но и в практике военного строительства.

Важнейший урок «холодной войны» заключается в том, что мощных вооруженных сил и спецслужб недостаточно для обеспечения необходимого уровня национальной безопасности. Низкий уровень политической безопасности, политической культуры общества, недостаточный уровень духовно-нравственной и информационной безопасности могут привести к победе вероятного противника без явной военной агрессии. Надо четко понимать, что современное геополитическое противоборство может осуществляться и без выстрелов. История нам не простит потери еще одного государства, появившегося после ухода в небытие СССР, – Республики Беларусь.

Как «холодная война», так и современная гибридная агрессия позволяют сформулировать важные положения в интересах обеспечения военной безопасности:

- современная и перспективная война – это многосферное явление, еще не все сферы детально изучены;
- в каждой сфере противник применяет определенный тип оружия и соответствующие технологии деструктивного воздействия;
- важнейшей задачей обеспечения национальной безопасности в области противостояния с противником является выявление сфер, способов деструктивного воздействия на государство, общество и личность;

- результаты проводимой научно-аналитической деятельности будут способствовать разработке комплекса мер по эффективному противодействию современным и перспективным способам воздействия на государство;

- обеспечение военной безопасности возможно только совместными усилиями всех субъектов – личности, общества и государства.

Современные реалии показывают, что понимание гибридного воздействия и меры по защите от него выработаны военно-политическим руководством, чего нельзя отметить применительно к ряду структур гражданского общества. Важно оказать содействие всем социальным субъектам в осмыслении современной военно-силовой реальности.

Технологии нового типа воздействия на государство и социум порой трудно идентифицировать, но они могут запускать механизмы самоликвидации объекта воздействия как один из действенных и экономичных способов нанесения поражения противнику.

Таким образом, гибридная агрессия является современной тенденцией военно-политического противоборства. В целях укрепления возможностей по противостоянию гибридной агрессии представляется целесообразным:

- осуществить разработку комплексной теории войны в контексте геополитического противоборства;
- продолжить адаптацию функционирования военной сферы национальной безопасности к условиям неклассического (нетрадиционного) насилия;
- всесторонне развивать интеллектуальный потенциал нации как основу мирного развития и важнейшее условие рациональной защиты от современных и перспективных опасностей и угроз;
- осуществить коррекцию образовательного процесса в вузах с обязательным изучением для управленцев проблем геополитики, философии насилия, философских проблем войны и мира, социологии и психологии войны и др., обеспечив при этом их необходимым научно-методическим материалом;
- повышать уровень образования и патриотизма общества как важнейших факторов национальной безопасности;
- всемерно способствовать развитию научного потенциала страны и на этой основе осуществлять

научно-аналитическое сопровождение принимаемых решений;

- продолжить формирование необходимой гуманитарной культуры специалистов всех сфер социума, способствовать развитию творческого потенциала каждой личности.

Только совместными усилиями всех субъектов безопасности можно не допустить военного насилия, а в случае его осуществления – сохранить государство.

Список использованных источников

1. *Плащинский, А. А.* Парадигма нового мирового порядка во внешнеполитической стратегии США: формирование и развитие: монография / А. А. Плащинский; под науч. ред. С. Н. Князева. – Минск: Междунар. ун-т «МИТСО», 2017. – 292 с.
2. *Ваттель, Эмер де.* Право народов или принципы естественного права, применяемые к поведению и делам наций и суверенов / Эмер де Ваттель. – М.: Госюриздат, 1960. – 720 с.
3. *Еллинек, Г.* Общее учение о государстве / Г. Еллинек. – СПб., 1903. – 532 с.
4. *Бузин, Н. Е.* Гибридная война. В чем ее сущность / Н. Е. Бузин // Армия. – 2021. – № 4(152). – С. 34–39.
5. *Бартош, А. А.* Серая зона: театр гибридной войны / А. А. Бартош. – М.: Горячая линия – Телеком, 2021. – 308 с.
6. *Бартош, А. А.* Гибридная война: учебное пособие / А. А. Бартош. – М.: КНОРУС, 2021. – 306 с.
7. *Иншаков, С. М.* Гибридная война в системе военных угроз национальной безопасности: монография / С. М. Иншаков. – М.: РУСАЙНС, 2021. – 306 с.
8. *Панарин, И. Н.* Гибридная война: теория и практика / И. Н. Панарин. – М.: Горячая линия – Телеком, 2021. – 402 с.
9. *Панарин, И. Н.* Гибридная война и геополитика / И. Н. Панарин. – М.: Горячая линия – Телеком, 2021. – 472 с.
10. *Ильницкий, А. М.* Ментальная война России / А. М. Ильницкий // Военная мысль. – 2021. – № 8. – С. 19–33.
11. *Гроций, Г.* О праве войны и мира / Г. Гроций. – М.: Гос. изд-во юрид. лит-ры, 1956. – 868 с.
12. *Антюшин, С. С.* Социальная и стратегическая стабильность как условие исторического прогресса: монография / С. С. Антюшин, С. А. Тюшкевич. – М.: Проспект, 2021. – 392 с.
13. *Философия и военное дело: учебник / коллектив авторов; под общ. ред. П. В. Петрия.* – М.: КНОРУС, 2019. – 466 с.
14. «Цветная революция» в Республике Беларусь: особенности и механизм реализации: пособие / Н. Е. Бузин [и др.]. – Минск: НИИ ВС РБ, 2020. – 98 с.

Аннотация

В статье обоснована необходимость дальнейшего анализа технологий военного насилия, влияющих на обеспечение национальной безопасности. Показаны методологические аспекты гибридной агрессии против государства, разработанной западными стратегами. Намечены пути противостояния гибридному воздействию на социальную систему.

Abstract

The article substantiates the need for further analysis of military violence technologies affecting national security. Methodological aspects of hybrid aggression against the state developed by Western strategists are shown. The ways of countering the hybrid impact on the social system are outlined.